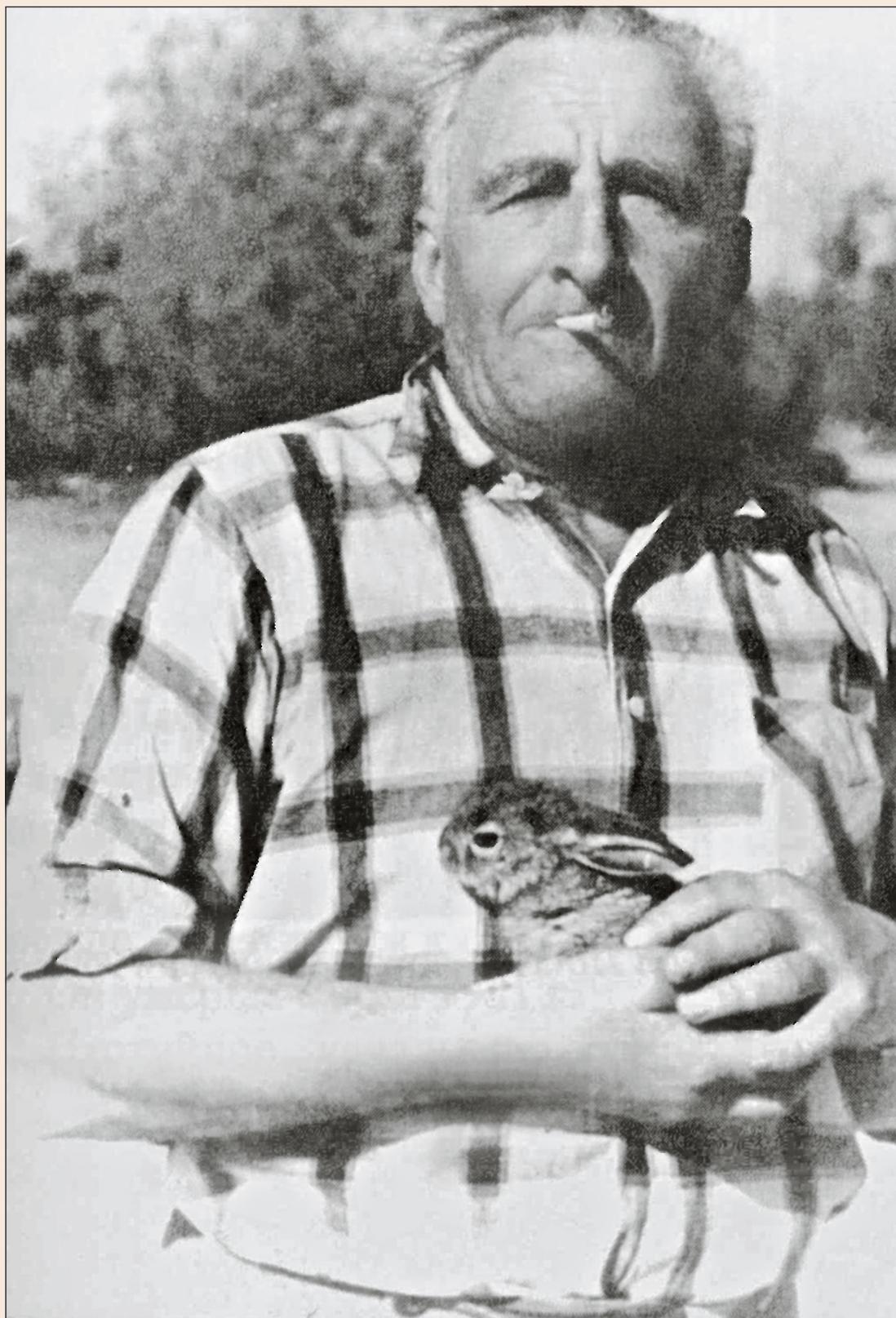

ИСТОРИЯ НАУКИ

Н. В. Тимофеев-Ресовский

* Начало 2006 № 3 (17)

ВОСПОМИНАНИЯ*

VII. Педагогика, Лёлька и «мокрые дела»

Теперь я хочу рассказать, как и почему я уже официально залез в науку, стал научным работником.

Сейчас у нас это чрезвычайно распространенный сорт паразитов и лишь иногда полу паразитов, – тогда же нашего брата было еще немного, и можно сказать, что большого вреда нашему Отечеству мы не приносили...

Чтоб жить, нужно есть; чтоб есть, надо зарабатывать на еду.

К тому времени запасы, так сказать, от гнусного старого режима были начисто съедены уже у большинства людей моего круга; даже которые получше плюшевые занавески – и те были съедены, то есть пошли каким-то там спекулянтам, которые из них делали и дамские шляпки, и шикарные картузы для нэpmачей, и юбки в обтяжку, и...

Надо было как-то зарабатывать.

«Лимоны» (миллионы) до того быстро росли в числе, что в конце концов добрались: миллион стоил трамвайный билет, когда трамваи пошли в Москве.

И была проведена финансовая реформа, и были введены червонцы.

А червонец тот – это было десять золотых рублей. И на него можно было купить чертову прорву всего.

Когда через несколько лет мы с женой приехали в Германию, там в меняльной кассе совершенно свободно можно было червонцы обменять на марки. Рубль до революции стоил две марки десять пфеннигов, а рубль червонный – две марки двадцать три пфеннига...

В январе – феврале 21 года я снова осел в Москве.

Мы тогда не пали еще столь низко, чтоб зарабатывать с помощью науки, – зарабатывали работой физической.

А когда отрывать время на физическую работу стало уже некогда, я пустился по антеллихентской линии – стал преподавателем.

Меня устроили в ППУОКР (да, два «п» в начале) – политпросвет управления Московского военного округа. И там я читал лекции об эволюции и пел в хоре первым басом, получая за лекции простой паек красноармейский, а за пение басом – фронтовой, то есть двойной паек. Итого: три пайка. Это было очень здорово, это было лучше всяких жалований.

Но все это однажды кончилось, потому как с утверждением червонца и нэпа все эти пайки в одночасье исчезли...

Еще в приезды во время революции в Москву я по каким-то там традициям интеллигентским немножко преподавал на вечерних Пречистенских рабочих курсах, что считалось либеральным и передовым занятием. А затем курсы те естественно превратились в первый и самый крупный в Москве Пречистенский рабфак, где я и стал преподавать опять же свою зоологию.

В 21/22 учебном году организовался в качестве надстройки над этим рабфаком Практический институт, высшее учебное заведение, очень интересное. (Его закрыли в 29-м; мне было страшно жаль, и я с тех пор все время мечтал и мечтаю, как хорошо было бы иметь нечто подобное.)

Этот институт состоял из трех факультетов – экономического, сельскохозяйственного и биотехнического.

Я преподавал на биотехническом при кафедре зоологии, вел там как малый, так и большой зоологический практикум.

Экономический и сельскохозяйственный факультеты, надо сказать, были интересны только тем, что они были модернистскими, реформированными экономическим и сельскохозяйственным вузами. А вот биотехнический – это была очень своеобразная талантливая и нужная выдумка.

Это был факультет, посвященный теоретическим основам любой прикладной биологии. То есть то, чего у нас не было и чего нету до сих пор (а сейчас и в помине).

Директором, хозяином этого предприятия оказался очень умный человек (я уж грешным делом забыл, кто он был по специальности – агроном-экономист, или, может, географ-экономист, или...) – Генкин такой. (Вот в 29 году ему и устроили «по-сажб», а институту – разгон: ну, просто собралась слишком талантливая и добропорядочная компания, чего с 29-го уже не терпели.)

Первый курс был общим для всех факультетов и всех специальностей, как и на естественном отделении университетов. И по программе он был очень сходен, то есть были основные общие курсы всех естественных наук.

Отпало по сравнению со старым режимом одно богословие.

Со второго курса начиналось деление на факультеты. А с третьего – уже внутри факультетов – на специальности. Всего же, как и в университетах, было четыре года обучения.

И за четыре года обучали большему, чем сейчас за пять (а то и шесть) лет. Потому что в прошлое время богословия было один час в неделю один семестр, а посчитайте: сколько сейчас «богословия»? Минимум 25 процентов всего учебного плана...

С 22 года я уже не был студентом: кончил университет. Не сдавая, правда, государственных экзаменов.

Я плюнул на это и стал заниматься наукой.

Никакой бумажки мне не выдали. И не требовалось тогда никаких бумажек с меня: они у нас пошли в ход с 30-х годов. И с тех пор не прекращается эта писчебумажная жизнь. А раньше человека оценивали только по делам оного.

У меня было (где-то в бумагах у Елены Александровны должно храниться) письмо Николая Константиновича Кольцова: это когда мы за границу уезжали, он дал мне очень симпатичное письмо на немецком языке с изложением того, кто я есмь, чему я обучен и, главное, что я его ученик (был даже старостой большого практикума его знаменитого).

К тому времени я уже женился¹ – в 22 году. (Через этот большой практикум, кстати.)

Моя жена Лёлька была совершенно замечательная женщина... Бывают, изредка попадаются на свете замечательные женщины. А еще реже – совершенно замечательные. Так вот моя супружница была именно таковой.

Их было девять человек детей² – два брата и семь сестер. Вы представляете?

Нас было шесть братьев и одна сестра. И ей была не жисть, а жестянка: все шесть за косы ее таскали, всячески над ней измывались.

А там наоборот: семь девок, в общем, обиживали двух мужиков. И испортили их.

Нет, одного не испортили... Вот вы видели, по-моему, в альбоме: такой стоит ражий мужик с детьми, все – в романовских полушубках. Это и есть брат Лелькин Борис, который был и агроном, и специалист по романовскому овцеводству. «Самый счастливый человек в жизни», – так он уверял, потому что все мечты его исполнились.

Мадонна, не правда ли?
Е. А. Тимофеева-Ресовская
в первой половине
1920-х гг.

¹ Венчание Тимофеевых состоялось 10 июня 1922 г. в приходской церкви Успения на Могильцах, расположенной на стыке Успенского и Мертвого (ныне Пречистенский) переулков.

² У Александра Александровича и Софии Егоровны (урожденной Шульц) Фидлеров было семь дочерей (Вера, Наталья, Антонина, Мария, Александра, Елена и Ксения) и два сына (Борис и Александр).

Этот Борис всю Первую мировую войну провоевал, и его только два раза легко ранило, и сравнительно скоро ему удалось демобилизоваться: его упрашивали остаться в Красной армии, но он умолил через того же Бонч-Бруевича позволить ему на землю сесть в Ярославской губернии. И оттудова ездил консультировать все романовское животноводство. И на этой должности, по-моему, в начале 50-х годов и помре, так как был почти на двадцать лет старше Лельки.

А она была второй снизу.

Н. В. и Е. А. Тимофеевы-Ресовские, С. Р. Царапкин, О. А. Чернова.
Первая половина 1920-х гг.
Звенигородская биостанция

Начинала Елена Александровна тоже у Кольцова – еще в университете Шанявского. А там, в университете Шанявского, в 18 году Михаилу Михайловичу Завадовскому вдруг засвербило, загорелось пересаживать яичники у кур в Аскании-Нова – у бывшего Фальц-Фейна. И он,ничтоже сумняшееся, отправился туда³ с двумя дохлыми совсем студиозами и семью девками-студентками. И в числе их была Елена Александровна.

Между прочим, она закончила Алферовскую гимназию... Мы алферовских гимназисток презирали за интеллигентность; мы дружили с травниковскими гимназистками, которые были не только хорошенъкие, но и ужопистые (извините за выражение), то есть вертеть умели задницей. А те, алферовки, были и интеллигентные, и благовоспитанные, и всякая такая штука, – лишь задницами вертеть не умели.

Так вот, значит, поехали эти так называемые ученые в экспедицию, а там, в Холландине, как раз через Асканию-Нова и белые, и зеленые, и коричневые, и черные, и красные, и все другие проходили.

Завадовский, надо сказать, не был великий ученый, не был даже крупный ученый, но был не без придури. А в экспедиции этой он оказался и человечком так себе: бросил всех своих девиц и смылся с какой-то оказией в Крым с обоими студиозами, которые явили себя в человеческом смысле тоже не того.

Перед семью девками засверкали проходившие банды⁴. Ибо это были именно банды: что красные, что белые, что рыжие, что черные – все один черт!

В конце концов половина девок – четыре штуки – умудрилась попасть в Одессу-маму, а три штуки – в Крым.

А в Крыму тогда работал очень бойкий Симферопольский университет⁵, который сейчас, кажется, опять университетом стал, а в конце 20-х годов был превращен в несчастный пединститутик.

³ Эту экспедицию М. М. Завадовский описал в своих воспоминаниях (М., 1991).

⁴ Это событие сформировало у Н. В. стойкое отрицательное отношение к М. М. Завадовскому. Оно все же не было объективным, и Н. В. неоднократно критиковали за недооценку этого последовательного кольцовца.

⁵ Университет в Симферополе назывался Таврическим.

⁶ В Таврическом университете, в частности, состоялось знакомство Е. А. с В. И. Вернадским, который был тогда профессором и ректором этого университета.

⁷ Александр Гаврилович Гурвич (1874–1954) – биолог и гистолог, профессор Высших женских курсов в Петрограде, Таврического и Московского университетов, директор Института экспериментальной биологии АМН СССР (1945–1948). Труды по цитологии, гистофизиологии, эмбриологии, биофизике и теоретической биологии. Открыл (1923) названное им митогенетическим излучение клеток и тканей, сформулировал теорию биологического поля.

Е. А. и Н. В. Тимофеевы-Ресовские. Полнота жизни. Миассово. 1956, июнь

В начале 20-х там, в Крыму, собралось множество прекрасных профессоров со всей голодающей России⁶. И Елена Александровна поступила в этот университет. А Михаил Михайлович устроил ее туда и уборщицей. Чтоб кормиться.

Это увидел ныне покойный Гурвич, знаменитый гистолог, выдумавший эти митогенетические лучи⁷, – он тогда был профессором Симферопольского университета.

Уже пожилой человек, Гурвич этому болвану Завадовскому публичную вздрючку сделал. И взял Елену Александровну лаборанткой к себе. Так она застряла в Крыму.

А когда вернулась – должна была тут устраиваться. Так как начинала она у Кольцова в университете Шанявского, то, конечно, к Кольцову пошла. И Кольцов очень мило принял ее.

Направил ко мне: «Попросите его от моего имени, старосту этого самого, вас устроить», – что я и сделал.

И это оказалось началом. Она быстро как-то так меня обработала, что я, значит, женился. А в 72 году мы тут золотую свадьбу отпраздновали... Вот у меня на парадном пинжаке значок: «50-летие. 1922–1972»... Впечатляет??!

Разумеется, это СеСеСеРе тогда свою золотую свадьбу праздновал и по этому случаю значок выпустил. Но ведь тут не написано, что это в честь юбилея СеСеСеРе! Вот я и нацепил (нам достали где-то)...

В этом Практическом институте зоологии была в основном двухфамильная: два Николая Владимировича – полные тезки Римский-Корсаков и Тимофеев-Ресовский, которые и заправляли.

Мы устроили на недостроенной фабричке «Карболит» на станции Влахернская⁸ по Савеловской железной дороге замечательную биологическую станцию, студенческую, для летних практикумов. И там Елена Александровна ассистенткой тоже стала, так как была она абсолютно официально студенткой. А я был преподавателем, потому что уже не был студентом.

Надо сказать, что из моих учеников с учебного года 21/22 до учебного года 24/25 в литературу научную попали человек пятнадцать – двадцать. Это очень высокий процент.

Сейчас жив и здоров Толя Щербаков, который и доктор биологии, и профессор, и директор биостанции на Глубоком озере под Москвой, и... А остальные почти все повямерли: как-то народишко ныне умирает довольно рано...

⁸ С 1936 г. – станция Турист.

Кольцов также взял меня ассистентом в Медико-педологический институт, который потом тоже разогнали. (Решили, что это наука какая-то антимарксистская. А сейчас она восстановлена, как всегда и бывает. И этнология восстановлена, и...)

Этим я и зарабатывал. И в целом благополучно питался и даже питал семейство, оставшееся в Москве, — мать, сестру, кого-нибудь из братьев.

Наиболее близкий мне брат Виктор⁹ — тоже зоолог и тоже с детских лет. Он только был птичник и мышатник, а я — рыбник; я — мокрый зоолог, а он — сухой.

⁹ Виктор Владимирович Тимофеев (1904–1974) в 1919–1927 гг. был лаборантом на Биостанции юных натуралистов, окончил Высшие курсы охото-ведения при Московском лесном институте. В 1927 г. уехал в Сибирь, где вел активную экспедиционную и научную деятельность по изучению пушного зверя, восстановлению и сохранению баргузинского соболя. В 1937–1939 гг. репрессирован. С 1939 г. — научный сотрудник Восточно-Сибирского отделения ВНИИ животноводства и пушного звероводства.

Научная работа.
Миассово. 1950-е гг.

Он тогда начал соболями интересоваться и ездил в экспедиции, чтобы подсчитывать оставшихся. А потом (это уже во второй половине 20-х годов) навсегда в Сибирь подался, в Иркутске жил и вот совсем недавно умер. Крупный соболятник!

Виктор очень активно, очень деятельно участвовал в восстановлении соболя в нашем Отечестве.

Как известно, это у нас единственное действительно крупное достижение.

В 1934 году, когда в последний раз разрешался отстрел этого зверька, по всему Советскому Союзу было заготовлено двести семь соболей. Двести семь!!! Вид был на грани уничтожения.

Группа отечественных зоологов годы и годы отчаянно колотилась во все инстанции правительственные и во все газеты, пока, наконец, специальный декрет ни запретил не только отстрел, промысел и охоту, но и наличие всякой свежей соболиной шкурки (специалист всегда может определить ее с точностью до двух лет).

И наличие шкурки соболиной или даже муфты какой-нибудь, добытой опосля 34 года, — это был уже «червонец» гарантированный, десять лет «посаже» как минимум.

Подействовало! И соболя оказались недотрогами полными. И к 55 году поголовье было не только восстановлено, — их у нас стало больше, чем было даже во времечко тишающего царя Алексея Михайловича. (Дело в том, что со временем Алексея Михайловича точнейшая соболиная статистика имеется.)

Граф Витте¹⁰, как известно, ввел у нас золотую валюту, золотой рубль. А до этого в России веками основной валютой был соболь. И поэтому его учет и учет его добывания были очень точны.

И никогда максимальное количество не достигало таких цифр, каких достигает

¹⁰ Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — министр финансов России в 1892–1903 гг. Денежная реформа была проведена в 1895–1897 гг.

сейчас. Зверек этот даже освоил целый ряд больших территорий, в которых он и не встречался.

На внутреннем рынке соболь чрезвычайно дорог: это сегодня единственная наша серьезная валюта.

Но вот мой братец-соболятник приезжал ко мне в Свердловск. И его попросили как специалиста по соболям посмотреть: в одежный пушной магазин – главный в

Свердловске – доставлены были на продажу десять дамских соболиных манто по какой-то фантастической цене – по-моему, по десять или двенадцать тыщ рублей за каждое. Мы, однако, что-то заговорились после завтрака, и он – вместо того чтобы до обеда пойти и оценить – пошел после обеда... Все манто были уже проданы и исчезли!

А ведь это не Москва все-таки, а Свердловск. Значит, минимум десять каких-то сверхжуликов своим законным или незаконным женам могли купить соболиные манто по двенадцать тыщ!..

У меня в начале 20-х годов было пятьдесят шесть, иногда даже пятьдесят восемь часов в неделю педагогики на двух рабфаках, в Практическом институте и в Медико-педологическом институте; кроме того, Кольцов подбросил мне жалованьишко в Институте экспериментальной биологии.

Я начал официально работать научно.

Это в первую очередь – на Звенигородской гидрофизиологической станции, заведовал которой Скадовский. (Он был и организатор, и владелец этой станции.)

Большой практикум кольцовский продолжался два года, и из тех, кто числился уже второй год, самые активные ин-

тересующиеся науками летом обыкновенно работали либо на Звенигородской станции, либо в Аникове (это в шести верстах от Звенигородской или немножко выше по Москва-реке).

В Аникове была генетико-селекционная станция, где в основном генетикой курс занимались. Верховодил там Серебровский, тоже, как и Скадовский, ученик Кольцова еще по университету Шанявского.

Я и Елена Александровна вступили в гидробиологическую группу. И под началом Скадовского (он был руководителем и от Главрыбы) пустились изучать гидробиологию среднерусских озер.

Оказалось, что в средней России – так радиусом в сто с небольшим верст вокруг Москвы – озер до черта. И есть совершенно замечательные, например, Нерские, немножко подальше – Никольские, затем... К большинству из них не было железной дороги; поэтому они, наверное, и до сих пор еще озера, а не помойные лужи, где кишат тычины так называемых туристов. (Это такая очень крупная саранча – значительно более вредная, чем обыкновенная саранча.)

Так как Главрыба была почтенное ученое заведение, во главе которого стояли почтенные ученые дяденьки, у нас были план и бюджет. Однако – не было денег. То есть они, конечно, бывали время от времени. Надо было только ловить момент, что было уже делом Сергея Николаевича Скадовского.

А непосредственно изучали мы озера в основном по причине наличия у Скадовского переживших революцию золотых часов с золотой же цепкой и с золотыми же брелоками, которые тогда весьма выгодно можно было закладывать некоторым московским евреям.

И у меня были первого выпуска швейцарские вороненые часы «Омега» на тоже вороненой цепочке: почему-то и они имели большую цену.

В. В. Тимофеев. 1950-е гг.

Вот эти мои скадовские часики, значит, перед очередной экспедицией закладывались, а еще собирали мы посильные взносы.

На станции в качестве питания мы получали только ржану, намолотую специально для нас, — из нее можно было ржаную кашу варить, которая, как известно, только сама себя хвалит.

Естественно, грибки собирали, ягодки... А когда была какая-никакая деньга, покупали у мужиков окрестных молоко — они очень дешево продавали, потому что и было перепроизводство, и от железной дороги, от ближайшей станции Кубинка, шашнадцать верст было.

Звенигородская электричка (конечно, не электричка, а железная дорога) уже при нас строилась.

Это была ветка очень комическая: от Голицына до Звенигорода для простоты, скорости и дешевизны такие глупости, как насыпи, не делали, а просто, так сказать, по лугам да болотинам положили шпалы, к ним присобачили рельсы и пустили поезд.

Поезд этот — паровозик такой типа «кукушки» и три-четыре вагончика. Проезжали мы иногда без каких-либо чрезвычайных происшествий, а иногда — сколь я помню, ежели ехать от Голицына на Звенигород — на правый бок поезд вдруг оседал, немножечко колебался и ложился. А там уже заготовлены были здоровенные березовые слеги.

Почтеннейшая публика вылезала через окна и двери лежащих вагонов; обычно никаких серьезных повреждений не было; только бабы охали, а иногда визжали, но и то лишь потому, что таким случаем пользовались помоложе которые мужички и тревожили их не с того конца.

Затем с помощью покойного Архимеда и придуманного им рычага ставили опять на попа эти вагончики; машинист очень громко дудел, потом чуть-чуть пыхтел, а мы еще слегами подпирали. И помаленьку поезд из этого опасного места выезжал. Тогда все радостно садились.

А рядом проходил тракт из Голицына в Звенигород, и мужики обыкновенно звенигородскую кукушку обгоняли, кнутиком помахивали и машинисту кричали: «Чепляйся, подтащь!»

Правда, мы на этой кукушке редко ездили (только ежели очень много вещей было)...

Наша Звенигородская станция располагалась на том месте, где, как я помню, всегда были дачи.

А в Москве был знаменитый такой невропатолог Россолимо¹¹, Григорий Иванович Россолимо. Я его прекрасно знал: очень был симпатичный и весьма богатый человек из южнорусских греков. Это его пасынком являлся Сергей Николаевич Скадовский, один из моих учителей и один из старшего поколения учеников Кольцова.

Вот у Россолимо и Скадовского рядом там дачные были участки, — не таперешние дачные участки, а настоящие, так сказать, старомодные дачи, за большую деньги построенные на ять.

И на своем участке поближе к Москва-реке Сергей Николаевич выстроил из бревен, снова не жалеючи денег, прекрасное зданьице со светлкой наверху и подвалом внизу из трех комнат и большой застекленной веранды.

Скадовский предоставил эту свою станцию студентам и курсисткам для летних научных работ.

А затем началась война. Но Сергей Николаевич как-то воевать не пошел: то ли денег у него было слишком много, то ли... Может, тут и Россолимо посодействовал.

Григорий Иванович стал тогда уж совсем богатым. Ибо профессора-невропатологи автоматически делались богатыми, потому как за максимально возможные гонорарии лечили от безделья богатых барынь.

Вылечивали?

Многих быстро, моментально вылечила уже революция.

¹¹ Григорий Иванович Россолимо (1860–1928) — один из основоположников детской неврологии в России.

А покудова главное было – это не залечить. «Ах, ах, ах, голова болит», «Ах, ах, я что-то чрезвычайно плохо себя чуюстую, очень нервно сплю»... Но иначе-то у страдалицы и быть не могло: ежели ты, милая, жрешь одну изысканную вкуснятину, то желудок у тебя ненормально действует. И отсюда хочешь не хочешь – так называемые женские болести, которые только у богатых барынь и бывали.

Естественно, четвертной билет за один визит профессора-невропатолога – мелкая разменная монета. А деньги, как известно, всегда идет, спешит к деньге. К тому же Россолимо женился на богатой вдовице Скадовской.

И был Григорий Иванович, необходимо отметить, не просто умен, а редкостно прозорлив.

Как только случилась, прогремела еще Февральская революция, он, все предвидя, сказал Скадовскому, что, мол, «голубчик, сделай раз в жизни приличный жест: подари эту станцию на даче университету». Да не университету Шанявского, а «настоящему университету, кафедре Николая Константиновича Кольцова». (Тот как раз вернулся в Московский университет.)

Как Россолимо указал, так все и произошло. И даже намека на конфликт, по-моему, не было. Оцените!

Помер Григорий Иванович естественной смертью, как помирает и большинство даже советских граждан.

А Сергей Николаевич Скадовский помер недавно – в самом конце 50-х годов или начале 60-х (мы еще в Свердловске томились)...

По субботам вечером на Звенигородской станции обязательно был концерт: Сергей Николаевич хорошо играл на рояле, а его супруга Людмила Николаевна – профессиональная певица, меццо-сопрано – пела.

Нередко она приглашала какую-нибудь свою подругу по профессии – обычно либо контральту, либо сопрану, чтобы дуэтом петь; сгожался для дуэта и Сергей Романович Царапкин¹², мой приятель, а потом и сотрудник по Берлин-Буху.

Иногда даже я что-то пел: например, басовую партию «Горные вершины» Рубинштейна. Первая часть – бас соло, такой полуречитатив, а вторая идет дуэтом – бас с тенором или бас с женским голосом, предпочтительно меццо-сопрано либо сопрано.

Особенно любили мы распевать дуэтом или даже трио по Даргомыжскому и «Ночевала тучка золотая», и «Белеет парус одинокий», и...

Продолжение следует

¹² Сергей Романович Царапкин (1892–1960) – зоолог, биостатистик, генетик, ученик С. С. Четверикова, многолетний сотрудник Н. В. Занимался изучением направленной изменчивости в онтогенезе.

НАУКА. ОБЩЕСТВО. ЧЕЛОВЕК. Вестник Уральского отделения РАН. 2007. № 3(21). Екатеринбург: УрО РАН.

Вестник Уральского отделения РАН – издание, в котором освещаются наиболее значимые итоги научных исследований сотрудников институтов Отделения, обсуждаются глобальные проблемы и задачи, на решение которых необходимо мобилизовать интеллектуальный потенциал уральских ученых. В издании представлены материалы о научных направлениях и достижениях институтов УрО РАН, как фундаментальных, так и прикладных. Ряд статей посвящен памяти выдающихся ученых, внесших неоценимый вклад в развитие науки, а также первым успешным шагам молодых исследователей. Содержится информация о важнейших научных разработках и планах, юбилейных датах, новых, вышедших в свет книгах.

Вестник ставит своей целью обеспечение научной общественности информацией о деятельности ученых Отделения, новых направлениях исследований, о людях, работающих в науке, о том, какие задачи они решают сегодня.

Адресован научным сотрудникам, студентам вузов и всем, кто интересуется актуальными проблемами и состоянием современной науки.

Научно-информационное издание

Наука. Общество. Человек

Вестник Уральского отделения РАН № 3 (21)

Рекомендовано к изданию Президиумом УрО РАН

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации. Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точки зрения автора. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Наука. Общество. Человек» обязательна.

Подписано в печать 11.10.07. Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 22,25. Тираж 950. Заказ 677.

Издательский дом «Автограф».

620026, г. Екатеринбург, ул. К. Маркса, 66, тел. 222-05-45, e-mail: izdat@e1.ru

Типография «Си Ти принт».

620086, г. Екатеринбург, ул. Посадская, 16а.